

Каждая книга Галины Артемьевой оказывает терапевтический эффект, потому что содержит психологический лайфхак, усвоить который легко и интересно.

**Читайте в серии
«Mainstream. Psychological life hack»:**

Новый дом с сиреневыми ставнями
Кто косит травы по ночам
И в сотый раз я поднимусь
Невеста трех женихов
Хозяйка музея
Как бы беременная как бы женщина
Чудо в перьях
Несчастливой любви не бывает

**галина
артемьева**

Кто косит травы
по ночам

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84.4(2Рос-Рус)
А86

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флобернум»

Миссия «Флобернума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

А86 **Артемьева Г.** Кто косит травы по ночам / Г. Артемьева — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 382 с. — («Mainstream. Psychological life hack»).

ISBN 978-5-521-90016-9

Надежда вполне благополучна: любимый муж, здоровые дети, интересная работа, достаток... Но вдруг она замечает, что кто-то постоянно следит за ней, пытается запугать. В сердце Нади поселяется страх. Разве может быть у нее таинственный преследователь?! Кто он? Надежда подвергает ревизии свое прошлое...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90016-9

© Галина Артемьева, текст, 2021
© Яна Цилибина, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

НАЕДИНЕ
С НАДЕЖДОЙ

1.

— Э то осень пахнет, что ли,
Городской бензинной грустью?.. -

День стоял такой пронзительно осенний, прощально-ясный, что поневоле возникали стихи. Самое вдохновляющее время года. Все-таки почему? Может быть, дали виднее, горизонты необозримее, предвизняя пустота и тишина жаждут наполнения? И этот запах упавших листьев... Он что-то новое сулит. Дорогу обещает. Долгую-долгую. Дольше жизни. И покой...

Надя постояла немного во дворе, наблюдая за своей знакомой большущей вороной. Та внимательно следила за котом, самозабвенно пожирающим какой-то очевидно лакомый и для млекопитающих, и для пернатых кусок. Ворона держалась индифферентно, стояла к коту боком, мечтательно, эстетски глядя на ковер осенней листвы. Казалось, плотские радости кота были ей абсолютно неинтересны, может быть, даже чуть-чуть неприятны, как отвлекающие от сосредоточенной медитации. Иногда она бросала в его сторону быстрый укоризненно-возмущенный взгляд, явно вопрошающий:

— Кто там так мерзко чавкает и урчит, нарушая тишину этого неповторимого утра?

После чего мечтательница делала брезгливый мелкий шажок, как бы отшатываясь от непотребно ведущего себя хама.

Однако каждый такой шажок не удалял ее от всецело отдавшегося чревоугодию кота, а, напротив, сокращал расстояние между ними.

Вот-вот должен был наступить кульминационный момент. Простофилю-кота становилось капельку жаль, но расчет мудрой птицы поражал своей точностью. Надины симпатии были на ее стороне. Нечего зевать, дуралей. Жизнь — борьба!

Вот еще крошечный неслышный шажок...

И вдруг...

Даже Надя вздрогнула, хотя была готова к развязке.

Р-р-раз — и черная пернатая бомба взрывается под носом кота. Два — крылатая победительница с болтающимся в клюве куском уже высоко-высоко, на верхушке огромного дерева. Три — испуганный ограбленный кот истошно посылает проклятия агрессорше.

— Обставили тебя, Вася?

— Мяяя-ав, — надрывно сокрушается домашнее животное.

А не расслабляйся, — советует Надя. И возвращается к своим делам.

Пора ехать. На даче такого созерцания будет более чем достаточно. Она надышится осенним воздухом, тишиной, далями засыпающей земли. Это сейчас важнее всего. Ей нужно снова стать собой: погрузиться в работу, обрести спокойную медлительность, способность размышлять, выстраивая внутри себя картины небывалой фантастически-прекрасной жизни, кото-

рая потом может возникнуть на полотне, станет явной многим.

Она сызмала ненавидела три вещи: собираться в дорогу, прощаться, ждать. Три — магическое число. Вечно в сказках всего по три: три брата, три дороги, три головы у Змей-Горыныча. Так что, может, она специально разделила мучительную процедуру на три? А все это можно назвать одним словом — разлука. Но составляющие ее именно таковы.

Надя, с младенчества оставленная отцом и матерью на попечение деда и бабушки, умело изображала счастливое детство, пряча невыносимую боль одиночества и оставленности глубоко внутри, так, чтобы никто не догадался о ее беде и слабости.

Родители развелись, когда ей не было и трех лет, и вместе она их не помнила, даже представить себе их супружеской парой не могла, такие они были разные. Потом они поженились на себе подобных: кропотливый спокойный отец на своей коллеге, почти старой деве, некрасивой и старше себя, зато надежной, как гранитная скала, а мать обрела счастье с видным французским коммунистом, который, несмотря на убеждения, имел солидный капитал, огромную квартиру в Париже и даже самый настоящий замок с поместьем.

Девочку, конечно, время от времени брала к себе погостить то отцовская, то материнская семья, но добром это никогда не кончалось: противной, ревливой и жадноватой жене отца она дерзила, разрушая устоявшийся порядок и покой их безвкусно обставленного и со злобностью несытого сторожевого пса охраняемого мачехой жилища. Мачеха яростно ревновала и ревности своей не скрывала, она ненавидела маленькую, но все-таки женщину за то, что та имела боль-

ший стаж знакомства с ее мужем и вследствие этого смела претендовать на нежные чувства с его стороны, которые таким образом отнимались у нее, законной супруги.

В конце концов отец, больше всего в жизни ценивший покой и размеренность, перестал приводить дочку в дом, предпочитая навещать ее у своих «стариков», как он всегда называл отца и мать. Здесь он становился веселым товарищем ее игр, здесь можно было затеять любую возню, устроить невообразимый беспорядок, от которого дед с бабушкой даже приходили в восторг — их дом оживал, как во времена детства их сына, когда к нему приходили друзья, заигрывавшиеся до самозабвения.

Однако за час до предполагаемого ухода отца она, как любой зверь перед землетрясением, начинала чувствовать тошнотворную тревогу, от которой болели внутренности, но больше всего душа. Тогда она могла внезапно повернуться и уйти в свою комнату, чтобы не видеть прощальной суеты бабушки вокруг уходящего сына, всех любовно упакованных кулечков с лакомствами, которые она ему, как маленькому, совала, чтобы не чувствовать чужого запаха отцовского пальто, купленного т о й, чтобы не плакать, наконец, при прощании с тем, кто все равно не пожалеет и не поймет.

— Странное поведение, — бормотал озадаченный отец, не понимая, что тем самым дочь избавляла его, взрослого, от мук расставания. Бабушка согласно кивала в такт словам любимого сына, закатывая глаза, как бы безмолвно жалуясь на трудный Надин характер, доставшийся ей, уж конечно, не по их линии.

Только дед все понимал, только ему удавалось размягчить ком тоски то захватывающей историей из его